

ИГОРЬ СИМБИРЦЕВ

СПЕЦСЛУЖБЫ
ПЕРВЫХ ЛЕТ
СССР

1923–1939

НА ПУТИ
К БОЛЬШОМУ ТЕРРОРУ

Игорь Симбирцев

**Спецслужбы первых лет
СССР. 1923–1939: На
пути к большому террору**

«Центрполиграф»

2008

Симбирцев И.

Спецслужбы первых лет СССР. 1923–1939: На пути к большому террору / И. Симбирцев — «Центрполиграф», 2008

В своей книге Игорь Симбирцев прослеживает историю советских спецслужб периода, который уложился между двумя войнами: Гражданской и Великой Отечественной. Автор открывает малоизвестные детали нашумевших операций этого времени, обнажая механизм «создания» новых антисоветских организаций: «Синдикат-2», «Трест» и т. д. Описывает репрессии ГПУ против православной церкви и вереницу странных, овеянных слухами смертей – Ленина, Фрунзе, Котовского, Аллилуевой, Крупской и многих других известных людей. Тридцатые годы в истории ГПУ, а затем и НКВД СССР поделили страну на еще относительно «мирные» 1930–1936 годы и наступившее вслед за ними время больших репрессий 1937–1939 годов.

© Симбирцев И., 2008

© Центрполиграф, 2008

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Большие репетиции	17
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Игорь Симбирцев

Спецслужбы первых лет СССР

1923 – 1939

На пути к большому террору

Глава 1

Становление СССР и система его спецслужб

В 1923 году в мире появилось новое и невиданное ранее государство под названием СССР – Союз Советских Социалистических Республик, хотя официально о его создании было объявлено уже под Новый год – 30 декабря 1922 года. Он пришел на смену существовавшей в революционное лихолетье Советской России как новый проект Ленина, как временное государство мирного периода, раз уж мировая революция немедленно не случилась, а экспортировать социализм в Европу тоже не удалось.

Мирный период виделся как временный, как некая уступка сложившимся условиям, как отход от многих прежних ленинских принципов, включая военный коммунизм, насильственную продразверстку и ту же мировую революцию. Это уже затем при полном переходе власти в руки Сталина большевики были вынуждены признать, что им придется пока строить социализм только внутри захваченной их властью России во враждебном окружении. А тех, кто вслед за Троцким не принял этой реальности из уст Сталина и по-прежнему настаивал на продолжении перманентной революции, начали преследовать как крамольников.

Весь период довоенной жизни советских органов разведки и госбезопасности в СССР можно назвать скорее межвоенным, поскольку в 1923–1940 годах он уложился ровно между двумя великими катаклизмами: Первой мировой, перешедшей у нас в России в кровавую Гражданскую войну, и Второй мировой, в самом Советском Союзе получившей название Великой Отечественной.

Весь этот межвоенный период от создания ГПУ до объединения его с НКВД связан с поколением первой чекистской гвардии старых ленинцев и дзержинцев. Кроме продолжения дзержинского поколения первых чекистов в ГПУ – НКВД, кроме того, что это межвоенное время можно назвать эпохой раннего правления Сталина в СССР, этот период в жизни советских спецслужб с 1923 по 1940 год четко отсечен от других и тем, что главным их врагом на тот момент были белые эмигранты и традиционные антисоветские партии, сложившиеся еще в годы революции и продолжавшие бороться с СССР в эмиграции. Это определяющий фактор в направлении работы ГПУ и НКВД в 20 – 30-х годах – главный враг в лице разномастной собственной эмиграции и антисоветского подполья внутри СССР, борьбе с которым посвящали едва ли не больше времени, чем противостоянию спецслужбам иностранных государств. В свое время такой подход к вопросу госбезопасности и разведки был присущ первым спецслужбам Российской империи при Романовых, особенно на стыке XIX и XX веков в наибольший пик революционного подъема. После 1940 года ситуация для советских спецслужб изменится, и никогда больше антиэмигрантская борьба не будет превалировать над чистым противостоянием в мире шпионажа с иностранными спецслужбами.

Еще один объединяющий штрих – это «коминтерновская» эпоха развития СССР, как раз к 1940 году начавшая сходиться на нет. Формально «жизнь» уникальной структуры с названием «Коммунистический интернационал» датируется от рождения до смерти 1919–1943 годами. Но до создания в 1923 году СССР сам Коминтерн еще переживал период колыбельного детства

и не успел встать на ноги, а после 1940 года тянул свою жизнь практически «на инъекциях» и по привычке, затухая, как в агонии, до своей окончательной ликвидации в разгар Второй мировой войны. 20-е и 30-е годы стали периодом наибольшей активности Коминтерна и его штаба в советской Москве, когда он сыграл большую роль в жизни советских спецслужб этого периода и сам временами почти претендовал на статус отдельной разведывательной спецслужбы.

Жизнь и работа этих спецслужб раннего СССР в 1923–1940 годах (ГПУ, НКВД, Разведупра при Генштабе Красной армии) четко уместилась между двумя большими и кровавыми страницами нашей истории. Она стартовала на излете «красного террора» и Гражданской войны созданием ГПУ в 1922 году и закончилась сталинским Большим террором конца 30-х годов. Большинство деятелей этого чекистского поколения начало свою карьеру именно с отстрела в «красный террор» тех, кого они считали врагами революции и помехой сначала в организации мировой революции вселенского масштаба, а затем в построении нового общества в отдельно взятой Советской России. И большинство этих же людей в Большой террор было отстреляно своими же вчерашними соратниками и теми, кто пришел на их место. Так через двадцать лет для них замкнулся этот кровавый круг от одной бойни до другой, причем вторая для многих стала горьким похмельем и расплатой судьбы за активную пляску на пиру первой.

Само ГПУ (Государственное политическое управление) создано в феврале 1922 года вместо ВЧК, когда ленинским Политбюро утверждено «Положение о ГПУ». Тогда же разработана его структура и утвержден руководящий состав. Во главе ГПУ оставался поначалу первый руководитель советской ВЧК Феликс Дзержинский, хотя он уже совмещал работу во главе госбезопасности с массой других государственных постов, все больше сил и внимания уделяя порученному ему делу руководства советским народным хозяйством на посту председателя ВСНХ. На Лубянке же все больше рычаги власти оказывались в руках его первых заместителей в ГПУ Менжинского и Ягоды. Летом 1926 года он ушел из жизни, окончательно расчистив путь к утверждению во главе ГПУ своего наследника Вячеслава Менжинского, но с ним судьба и здоровье через несколько лет сыграли такую же злую шутку. До 1930 года Менжинский с перерывами на лечение еще отчасти руководил ГПУ, но в последние годы своей жизни, до кончины в 1934 году, уже только номинально числился главой этой структуры, а всем практически руководил его первый заместитель Генрих Ягода, многими уже и во власти воспринимаемый как полноценный начальник на Лубянке.

ГПУ в 1922 году создавали как орган при Наркомате внутренних дел – НКВД, но уже с созданием Советского Союза опять вывели из подчинения ведомства внутренних дел по примеру прежней ВЧК, снова подчинив напрямую главе государства. С созданием СССР в названии к ГПУ появилось дополнение «Объединенное», в официальных документах конца 20-х годов его часто именуют ОГПУ СССР. Но в целом эту спецслужбу до ее реорганизации продолжали именовать просто ГПУ, а ее сотрудников – по старой памяти «чекистами», поскольку неказистое слово «гэпэушник» в русском языке так и не прижилось.

В первые годы существования ГПУ оно прошло ряд преобразований. Поначалу по сравнению с прежней всесильной ВЧК у него отобрали часть функций и полномочий, по крайней мере на бумаге превратив в подобие обычной спецслужбы большого государства, хотя в реальности особый характер Советского Союза накладывал печать непохожести на коллег из других государств и на его службу госбезопасности. Вот спокойно и без особых реформ просуществовав почти до начала Второй мировой войны под началом одного руководителя Яна Берзина, Разведупр действительно все больше напоминал типичную военную разведку иных государств.

Структура ГПУ, как и кадровый состав, отчасти была заимствована у прошлой ВЧК времен Гражданской войны. Во главе, наряду с председателем этой спецслужбы, стояла коллегия ГПУ, куда входили заместители начальника и руководители самых важных отделов. На местах работали областные отделы ГПУ и республиканские ГПУ в союзных республиках

СССР, районных (уездных) отделов ГПУ, как это было в годы Гражданской войны в ЧК, с 1923 года в Советском Союзе уже не было. Отчасти и из-за урезания функций ГПУ, в котором было решено оставить только вопросы внешней разведки, контрразведки, госбезопасности и охраны государственных мужей, тогда как присущие ранее ЧК вопросы работы по части уголовных преступлений или по спекуляции были полностью переданы в Наркомат внутренних дел. Одним из первых приказов начальника ГПУ Дзержинского по новой спецслужбе от 10 марта 1922 года было указание сосредоточить все силы на вопросах государственной безопасности, на работе по ликвидации антибольшевистских партий, по антисоветской эмиграции, на усилении безопасности на транспорте и контроле за находящимися на территории СССР иностранными гражданами.

В отличие от ВЧК ГПУ уже ближе к облику стандартной спецслужбы. В нем уже своя чекистская форма, знаки различия и четкая иерархия в его рядах, а в снабжении и финансировании сотрудники ГПУ с 1922 года приравнены к командному составу Красной армии. С 1923 года в только что созданном СССР председатель ГПУ в обязательном порядке входил в состав советского правительства – Совнаркома на правах отдельного наркома (министра) с теми же министерскими правами. На самом деле прав и полномочий у главы ГПУ было побольше, чем у иного наркома. Во всяком случае, Дзержинского, Менжинского и Ягоду в стране знают люди даже не самые подкованные в нашей истории, а вот кто в это время возглавлял Наркомат внутренних дел или Наркомат связи – ответить смогут уже явно не все из них.

Главными отделами в ГПУ стали три составляющие с 1922 года. Это Секретно-политическое управление под началом Менжинского (с уходом его на пост председателя ГПУ эту должность занял Агранов), Экономическое управление во главе с Канцельсоном (позднее его сменил Прокофьев) и управление войск ГПУ под началом Воронцова. Отдельное и изолированное положение в ГПУ занимал Иностранный отдел (ИНО ГПУ) для внешней разведки, которым руководил до конца 20-х годов Трилиссер, а затем Артузов. До перехода на должность главы внешней разведки в ГПУ Артур Артузов руководил другим важнейшим отделом контрразведки – КРО ГПУ. Спецотдел по контролю за чистотой рядов в партии большевиков и по работе с оперативной техникой тоже занимал особое положение внутри ГПУ, им все 20 – 30-е годы, вплоть до своего ареста в 1937 году, руководил Глеб Бокий. Отделом охраны важнейших руководителей страны поначалу руководил создавший отдел охраны Ленина еще в ВЧК чекист Беленький, но в ГПУ его позднее сменил Шанин, а в начале 30-х годов – Паукер, одновременно бывший начальником Оперативного отдела. Юридическим отделом ГПУ руководил Фельдман, одновременно возглавлявший курсы подготовки кадров при ГПУ. Наконец, важным Особым отделом по военной контрразведке в рядах Красной армии руководил сам Генрих Ягода, а после его перехода в первые заместители председателя ГПУ в 1924 году на его место назначен Ольский. Транспортным отделом командовал поставленный на этот пост еще Дзержинским в ВЧК Благодеров. Почти все эти руководители ГПУ 20-х годов и члены коллегии ГПУ занимали высокие посты и в ВЧК времен 1918–1922 годов, и почти все они перебиты после 1936 года в Большой террор.

Чуть позднее, в 1929 году, в ГПУ прошла небольшая реорганизация, когда Ягода в роли первого заместителя председателя ГПУ окончательно укрепился в ранге неформальной главы этой спецслужбы при уже больном Менжинском, а вторым заместителем назначен переведенный из руководителей Ленинградского ГПУ Станислав Мессинг. Другой заместитель Менжинского и одновременно начальник разведки ИНО ГПУ Трилиссер в это время из-за конфликта с Ягодой и вообще из-за своих непримиримых троцкистских высказываний покинул все чекистские посты и ушел на другую работу, именно вместо него переведен из Ленинграда Мессинг. Тогда же в ГПУ впервые создано отдельное управление исправительно-трудовых лагерей во главе с Эйхмансом, из которого позднее разрастется по стране страшными метастазами ГУЛАГ.

А в 1931 году после большого скандала в верхушке ГПУ вокруг дела царских офицеров в РККА (дело «Весна») и изгнания из рядов ГПУ ряда руководителей из видных дзержинцев эту спецслужбу вновь потрянули перемены. Мессинг в числе главных бунтарей был убран из заместителей председателя, а в компании с Ягодой замами на Лубянке оказались Акулов и Балицкий. Но окончательно утвердившийся в качестве негласного шефа Лубянки Генрих Ягода вскоре «подвинул» обоих назначенцев власти, вытеснив Акулова из ГПУ вообще в прокуратуру, а Балицкого – на его прежнее место главы Украинского ГПУ. Взамен в заместителях оказались близкие к Ягоде чекисты Прокофьев и Агранов. После 1933 года «команда Ягоды» занимала в ГПУ все ключевые посты: Буланов – секретариат коллегии ГПУ, Гай – Особый отдел, Артузов – ИНО ГПУ, Молчанов – Секретно-политический отдел, Миронов – Экономический отдел, Бокий – Спецотдел, Кишкин – Транспортный отдел, Благодрахов – Отдел шоссейных дорог, Берман – управление лагерей, Фриновский – войска ГПУ и пограничные войска, Паукер – Оперативный отдел и правительственную охрану. В таком составе ГПУ встретило переломный для него 1934 год, когда сначала умер Менжинский, а летом того же года ГПУ слито с ведомством внутренних дел в одну большую спецслужбу – Наркомат внутренних дел (НКВД) СССР.

Внутри единого НКВД в 1934–1940 годах непосредственно госбезопасностью и разведкой занималось его Главное управление госбезопасности (ГУГБ НКВД), куда в большей степени уместили за некоторыми исключениями бывшее ГПУ и чей начальник с 1934 года был первым заместителем наркома НКВД. Другие управления НКВД (Рабоче-крестьянской милиции, Пожарное, командования войсками НКВД, ГУЛАГ – управление лагерей и т. д.) занимались в этой спецслужбе своими прежними обязанностями, их сотрудников часто даже не именовали «чекистами», хотя формально все они теперь тоже работали в одной большой спецслужбе с чистыми чекистами из ГУГБ. Из прежнего ГПУ в новом едином НКВД в отдельное управление кроме ГУЛАГа выделили еще и Управление погранвойск и внутренней охраны (ГУПВО). Вся разведка, контрразведка, госбезопасность, Оперативный отдел и охрана первых лиц государства оставались отделами в ГУГБ НКВД. Важность этой части в НКВД была такой, что нарком Ягода поначалу проигнорировал даже указание ЦК поставить во главе ГУГБ своего заместителя Агранова, сохраняя руководство ГУГБ за собой, пока его не одернули с верхов власти. Сам Ягода всего два года просидел на вожденном посту наркома этого большого НКВД и походил в пошитом лично для него маршальском мундире генерального комиссара госбезопасности, в 1936 году он убран из НКВД, а в следующем году арестован и вместе со многими людьми из своей команды расстрелян. На его место наркома НКВД на Лубянку пришел Николай Ежов, а во главе ГУГБ оказался Фриновский, после короткого и страшного периода ежовщины отстреляли и их команду.

Глава 2

Первые годы жизни ГПУ

Революция – это кто кому первый голову проломит.
Н.И. Бухарин

Двадцатые годы после окончания Гражданской войны и создания Советского Союза являются особым периодом жизни советских спецслужб. Это, в первую очередь, организационная перестройка спецслужбы из ЧК времен Гражданской и военного коммунизма в полноценный аппарат госбезопасности мощного государства. Это же отчасти касалось и смены приоритетов в работе, на смену массовым расстрелам и действиям в тылах белых армий шла долгая работа по прочесыванию политического поля в молодом СССР, по добиванию антибольшевистской оппозиции, за рубежом же – профессиональная работа разведки против антисоветской эмиграции и иностранных государств. Кроме того, весь этот период сейчас, с высоты прожитых страной лет, кажется для ГПУ во многом экспериментальным и подготовительным, когда чекисты понемногу и дозированными порциями пробовали все то, что в 30-х годах разовьется в большое дерево тотальных репрессий и закончится эпохой Большого террора.

При этом необходимость качественной перестройки работы и освоения новых методов понимали и сами ветераны чекистского фронта. В первую очередь речь шла о переходе на условия работы в мирное время, понимаемом Дзержинским со товарищи как столь же безжалостное подавление любого сопротивления советской власти, но при более четкой и отчасти более бюрократичной системе тотального контроля над обществом. В записке Дзержинского в Совнарком от 18 февраля 1922 года, как раз в дни создания ГПУ, говорилось: «В предположении, что вековая ненависть революционного пролетариата против поработителей поневоле выльется в целый ряд бессистемных кровавых эпизодов, причем возбужденные элементы народного гнева сметут не только врагов, но и друзей, я стремился провести систематизацию карательного аппарата».

После 1922 года систематизировать этот аппарат, который чекисты первого призыва, как видим, совсем не стеснялись прямо именовать карательным, нужно было еще больше, поскольку сметать кровавыми бессистемными эпизодами вместе с врагами друзей без конца было невозможно, понемногу очередную волну «бессистемных эпизодов» и массовое «сметание друзей» отложили на конец 30-х годов.

Начиная с 1922 года внутри ГПУ идет постоянная подгонка новых методов и шлифовка новой системы работы, пригодной для спецслужбы новой социалистической державы. С этого года раз за разом руководство ГПУ рассылало на места в свои отделения директивы, призывающие все больший упор делать на оперативную деятельность и секретное осведомление, в 20-х годах понемногу ГПУ начинало опутывать страну паутиной тайной агентуры, так пригодившейся затем этой службе в годы сталинского террора.

И никак не могли в этой перестройке системы советской госбезопасности обойти вопрос укрепления своих рядов и усиления дисциплины среди чекистов, местами сильно разболтанной в годы хаоса, тотального террора и всевластия чекистов на местах в условиях войны. Тогда, как мы знаем, если за злоупотребления полномочиями для личной выгоды сотрудника ЧК еще могли примерно наказать, вплоть до расстрела, то наказаний за излишнюю жестокость при «красном терроре» практически не было, на эти злоупотребления смотрели лишь как на издержки яростного борца с контрреволюцией. Зато яростно карали тех, кто чекистский мандат решался использовать для откровенного криминала.

Известно, что первым расстрелянным ЧК в упрощенном порядке без судебной процедуры был налетчик Эболи, осмелившийся при своих бандитских налетах использовать поддельный мандат чекиста – такой дискредитации своей молодой спецслужбы люди Дзержинского простить не смогли. Вместе с Эболи 26 января 1918 года жертвами первого расстрела ЧК в особом порядке стали несколько членов его банды, включая любовницу и соратницу главаря по фамилии Бритт.

И в дальнейшем смычка чекиста любого уровня с чистым криминалом и жажда наживы взамен деятельного участия в революционном терроре считались в ЧК серьезным преступлением и карались очень жестоко. Это можно сказать и о знаменитом питерском налетчике Леньке Пантелееве. Рассказывая о ликвидации его после долгого розыска чекистами, в советской литературе и кинематографе «забывали» упоминать, что поначалу лихой налетчик Пантелеев (настоящая фамилия его Пантелкин) был сотрудником ЧК. Молодого красноармейца Леньку Пантелкина после боев за красный Питер с Юденичем взяли на службу сначала в Псковскую, а затем и в Петроградскую ЧК, откуда в 1921 году изгнали за связь с криминалом и за то же самое крышевание торговцев краденым. И здесь началась драматичная история налетчика Леньки Пантелеева по кличке Фартовый, со своей бандой наводившего ужас на Петроград начала 20-х годов, грабя и убивая вошедших тогда во вкус красивой жизни нэпманов.

Банда Пантелеева так разгулялась тогда в бывшей столице и приобрела такую известность даже за ее пределами, что ГПУ с 1922 года вынуждено было создать особую оперативную группу по поиску бывшего коллеги по ВЧК. Эта чекистская группа, правда, не только совместно с сотрудниками уголовного розыска искала неуловимого Леньку, но и взялась контролировать работавшую с ней параллельно бригаду Петроградского УГРО. Так допросами в штабе питерского ГПУ на Гороховой терроризировали начальника милицейской бригады по розыску Пантелеева Павла Барзая, который пришел в угрозыск из царской сыскной полиции и уже за одно это подозревался чекистами в покровительстве «контре», хотя в том же году Барзай во время одной из попыток задержать неуловимого Леньку и его подельников в центре Петрограда был застрелен бандитами.

Только в 1923 году после серии дерзких налетов и побегов прямо из-под носа искавшей его чекистско-милицейской бригады Ленька Пантелеев попал в засаду этой спецгруппы ГПУ на квартире у одной из своих любовниц. В перестрелке пуля молодого чекиста Брусько прямо в сердце сразила знаменитого налетчика. Чтобы пресечь слухи об очередном воскрешении Фартового, чекисты пошли на оригинальный шаг: отрезанную голову Пантелеева выставили в заспиртованной банке в витрине одного из магазинов на Невском проспекте, так жандармы из царских спецслужб иногда поступали для опознания убитых эсеровских террористов прохожими.

Вся эта история, в которой ГПУ тщательно старалось утаить прошлую принадлежность бандита Пантелеева к своему ведомству, и породила в истории оригинальную версию: что изначально Пантелеев был внедрен ЧК в качестве своего секретного агента в воровской мир Питера, а только потом в операции произошел сбой и чекист стал в качестве дерзкого налетчика играть сам за себя. Уж очень подозрительным выглядел дерзкий побег Леньки в 1922 году после первого ареста прямо из питерского изолятора Кресты, откуда до него никто не сумел бежать, как нестандартна и вообще ситуация с созданием ГПУ спецбригады по розыску именно уголовного бандита.

И в исторической литературе о ЧК времен Гражданской войны, и в мемуарах самих чекистов первого призыва есть много примеров, когда проявившего излишнюю жестокость (что было не просто в общем вале жестокости той ВЧК, нужно было быть ультрафанатиком, безумцем или откровенным садистом) нельзя было дольше держать в рядах ЧК, и этого деятеля либо переводили на другую советскую работу, либо отправляли проявлять свой фанатизм в ряды воюющей Красной армии. В одной из советских книг о шефе советского ГПУ Вячеславе

Менжинском (*Барышев М.И. Особые полномочия. М., 1976*) мне встретился пример такого «наказания» обезумевшего деятеля в кожанке, выявлявшего врагов советской власти методом собственного изобретения – «через кухню». Он при обыске сразу врвался на кухню к подозреваемому, и если в кастрюле варилось мясо, то объявлял обреченного «контрой» со всеми печальными для того последствиями, поскольку «наши-то люди на осьмушке хлеба сидят». Интеллигентный Менжинский «кухонного теоретика» не одобрил, места в ЧК для него не видел, пожурил за излишнее рвение и отправил из чекистов в Красную армию командовать конным эскадром. После чего рассказал о своем мудром решении Держинскому, и тот своего ближайшего помощника одобрил – мол, ЧК этот чудак мог дискредитировать, а в коннице ему самое место рубить врагов социализма. О том, что подчиненный им маньяк уже явно наворотил за собой много трупов невинных обывателей, вожди ВЧК – ГПУ не говорили.

За перебор в репрессиях в той ЧК сурово не наказывали, даже для изгнания из этой службы нужно было «отличиться» чем-то особо диким. Даже если питерский чекист Яков Меклер получил от своих кличку Мясник за методы работы с арестованными, даже если его сами чекисты начали сторониться – перевели тихо из ГПУ на другую работу, и все. Даже если одного из ближайших приближенных Держинского Лациса, добровольного взявшего на себя обязанности самодеятельного пресс-секретаря ВЧК и толкователя политики «красного террора» в прессе, сам Ленин вынужден был одернуть публично и письменно за произнесение «кровожадных нелепостей» (когда Лацис написал в редактируемом им журнале «Красный террор», что не нужно чекистам вообще искать доказательств чьей-то вины, а расстреливать нужно только по классовому принципу) – того лишь отправили руководить ЧК на Украину.

В спецслужбе мирного времени такой подход уже был неприменим, пришлось срочно менять меру ответственности. Поначалу объявили кампанию по борьбе с «партизанщиной» в ГПУ по этому поводу, затем решили, что термин бросает тень на партизан Гражданской, и тогда придумали определение «красный бандитизм» – специально для неуправляемых или слишком фанатичных идейно деятелей в кожанках. Многие видные начальники тогдашнего ГПУ посчитали даже такую мягкую чистку ущемлением прав их родной спецслужбы. Тогдашний один из заместителей Держинского в ГПУ Ягода писал, что изгнанные чекисты становятся в среде обывателей «отверженными» за свою прошлую службу и власть сама толкает таких людей в «красный бандитизм». Но такие протесты тогда уже не возымели действия – спецслужбу просто необходимо было чистить от откровенных палачей и радикалов ввиду перехода к мирной жизни и политике НЭПа в стране.

После того как за пределы ГПУ вывели часть особо запятнавших себя в 1918–1921 годах в репрессиях или в неподчинении начальству «вольных альбатросов» из ЧК, серьезно взялись и за оставшихся. Первые же приговоры преступившим грань уже советского закона чекистам из ГПУ в начале и середине 20-х годов показали, что карать за самовольные расстрелы или выпуск за взятку арестованных из ЧК двумя-тремя годами условно или лишением звания чекиста, как это случилось в 1918–1919 годах, больше не будут. Например, уже в 1922 году расстрелян сотрудник ГПУ Зайцев, прослуживший в ЧК всю Гражданскую, за получение взятки для прекращения дела о шпионаже. В том же году только за ложный донос (сколько их было в Гражданскую) сотрудник Казанского ГПУ Иванов также расстрелян во внесудебном порядке, а всего за 1922 год расстреляно по стране более 20 кадровых сотрудников ГПУ. Сотрудник особого отдела ГПУ Шланак из особистов 4-й армии РККА продавал чекистские мандаты и пропуска уголовникам и спекулянтам в Крыму, где эта армия была расквартирована, – его показательно расстреляли, изложив его историю в газете «Красный Крым».

По справке начальника Украинского ГПУ Балицкого видно, что за 1922 год по его приказу отданы под суд и расстреляны 9 подчиненных ему чекистов, вина которых колебалась от элементарных взяток (Самойлов, Володин, Брейтман) и изнасилований арестованных (Гончаров) до таких серьезных обвинений, как выявленная работа на контрразведку белых в годы

войны (Прусиновский) или раскрытие в пьяном виде конспиративной квартиры ЧК (Котляров). В следующем, 1923 году за тайные связи с контрреволюционерами впервые в молодой внешней разведке ГПУ расстрелян сотрудник ИНО ГПУ Свистунов. В 1924 году за связь с монархистами расстреляны сотрудник ГПУ Котельников и бывший царский офицер Поливанов, служивший в ГПУ Витебска.

Кроме 20 расстрелянных в рядах ГПУ только за первый 1922 год его существования увеличилось количество и осужденных на различные тюремные сроки. Так в особом, так называемым «внесудебном», порядке ГПУ вынесен приговор в отношении бывших сотрудников Анохина и Данилова, вызвавший тогда вопросы даже у главного советского обвинителя Крыленко – тогда еще заместителя наркома юстиции РСФСР. Только за раскрытие конспиративных методов работы Анохин получил от ГПУ три года тюремного заключения, а его коллега Данилов – год. В итоге приговор своим бывшим сотрудникам ГПУ отстояло. Узнав, что дело арестованного сотрудника ГПУ Бородулькина передано вместо особого совещания ГПУ в обычный народный суд, Дзержинский возмутился и добился через Наркомат юстиции возвращения дела для разбирательства в свою службу.

Само руководство ГПУ становится часто более бескомпромиссно к своим преступившим закон сотрудникам, все реже учитывая даже прошлые заслуги в ЧК, молодость или преданность делу революции. В январе 1923 года лично председатель ГПУ Дзержинский обращается во ВЦИК к Сапронову, когда ВЦИК до нового разбирательства приостановлено дело по бывшим сотрудникам ГПУ Гельфману и Свярковскому, уже осужденным в упрощенном порядке ГПУ к смертной казни. Дзержинский пишет во ВЦИК, что дело ему хорошо известно в деталях и никаких причин для отмены смертного приговора чекистам-отступникам он не видит. Что Гельфман и Свярковский запятнали звание чекиста уголовными преступлениями и прямой изменой советской власти, а «оперуполномоченный Петроградского ГПУ Болеслав Свярковский параллельно с кассационной жалобой на приговор во ВЦИК тайно связывался с членами польской делегации о заступничестве за него, как за поляка, и обмене его на пленных». В годы Гражданской войны руководство ВЧК чаще ходатайствовало перед высшей советской властью о смягчении участи низвергнутого из ЧК товарища.

Позднее пошли в основном расстрелы чекистов только за откровенную измену в виде работы на чужую разведку или тайную связь с антисоветским подпольем либо эмиграцией, сюда же добавим и расстрелянных за связи с оппозиционными фракциями в самой большевистской партии. Так в результате довольно темной истории в 1926 году за связь с белой эмиграцией арестован и расстрелян сотрудник Донецкого ГПУ Варшавский.

Не обошла эта кампания наведения порядка среди чекистов и многих деятелей прошлой ЧК, имевших бесспорные заслуги перед революцией и защищавших советскую власть в годы Гражданской войны. По такому делу о «красном бандитизме» в 1922 году в Томске осудили тайную организацию бывших партизан, собиравшихся террором бороться за возвращение истинной революции, убивать бывших офицеров царской армии и чиновников, невзирая на их службу Советам, а заодно и «всяких интеллигентов» и «забюрократившихся членов РКП(б)». Организатором этой группы стал действующий сотрудник Томского ГПУ Маслов.

Строже стало отношение и к не политическим шалостям в чекистских рядах, а к коррупции, бытовому разложению или пьянству. На середину 20-х годов приходится приказ заместителя начальника ГПУ Генриха Ягоды о борьбе с пьянством в рядах ГПУ. По словам Ягоды, ситуация с пьянством среди чекистов становилась заметна уже и партийным верхам, особенно досталось за потакание этому пороку сотрудникам главному тогдашнему чекисту по Сибири Павлуновскому: «Пьянство вошло в обычное явление, пьянствуют даже с проститутками, о пьянках нашего аппарата известно уже и в Москве. Непьющего товарища начинают избегать. А отдельные товарищи начинают делиться с женами о секретной работе – в результате едут на Соловки». В результате этой первой антиалкогольной кампании в истории спецслужб нашей

страны в ГПУ прошли очередные чистки с арестами. В 1926 году начальник Бийского отдела ГПУ в Сибири Вольфрам за систематическое пьянство и финансовые злоупотребления осужден на три года лагерей.

В Одесском ГПУ обнаружили смычку многих руководителей с сильным здесь блатным миром: за взятки блатарей выпускали из тюрьмы и даже выписывали им поддельные ордера ГПУ на обыск, с которыми налетчики грабили под видом чекистов местных нэпманов. Ряд чекистов под началом командира Одесского угрозыска Левитина в те годы вообще создали банду оборотней в кожанках, заманивая на конспиративные квартиры подпольных дельцов, арестовывая их там и затем за крупное вознаграждение выпуская на свободу. Когда все это было раскрыто, а в Одессу ввиду важности дела даже лично выезжал начальник Украинского ГПУ Балицкий – с должности был снят герой подполья Одессы в Гражданскую войну и заместитель начальника Одесского ГПУ Александр Эйнгорн, его отправили для перевоспитания с понижением в ГПУ Ташкента. С началом Большого террора бывшего красного подпольщика и чекиста Эйнгорна родные спецслужбы будут «перевоспитывать» еще и пятнадцатью годами лагерей.

В 1923 году бывший знаменитый пермский чекист Гавриил Мясников, имевший перед советской властью такие «заслуги», как убийства священников и тайная ликвидация великого князя Михаила Романова, только за вхождение в «Рабочую оппозицию» в партии будет сначала выслан из СССР. Затем по личному указанию Дзержинского обманом амнистии он вызван вновь в Москву, арестован и брошен в тюрьму (еще позднее все это для Мясникова закончится смертной казнью). Власть ясно давала понять боевому активу своей спецслужбы, что время лихой самодеятельности, закрытых глаз на шалости самих чекистов, время «красного бандитизма», каких-то пусть даже самых «рабочих» оппозиционных групп в партии ушло в историю вслед за Гражданской войной. А кто этого не понял – никакие заслуги и звание почетного чекиста не спасут от суровой кары. Позднее под каток репрессий уже в Большой террор конца 30-х годов попадет и будет расстрелян и видный партиец из деятелей «Рабочей оппозиции» Генрих Бруно, в Гражданскую войну занимавший высокие должности в ЧК на фронте.

Сам Дзержинский требовал ужесточить эту кампанию чистки рядов во вновь созданном ГПУ. Он с 1922 года выбил у ЦК партии право для своей спецслужбы судить собственными «тройками» преступивших закон сотрудников ГПУ, мотивируя это требованиями конспиративности работы спецслужбы. Верховную «тройку» в коллегии ГПУ составили Уншлихт, Петерс и Ягода. В 1922 году это еще ближайшие для Дзержинского люди из первой коллегии его ВЧК, но очень скоро на Лубянке из них останется только Ягода, а Петерса с Уншлихтом из ГПУ переведут на другую работу.

Разрешение на осуждение в особом «внесудебном» порядке экс-чекистов самим ГПУ было пролоббировано Дзержинским и получено от ВЦИК уже в марте 1922 года, на первом месяце существования самого ГПУ. В печально известном Соловецком концлагере (СЛОИ) для осужденных чекистов создали закрытый сектор, где они были изолированы от остальной массы «политических». Судя по записям Дзержинского, он собирался на Урале в городке Нижняя Тура отвести под эти цели некую секретную тюрьму ГПУ, на месте сохранившихся казематов николаевских времен. Позднее в СССР именно в этих уральских краях будет специальная зона в Нижнем Тагиле для осужденных работников КГБ и МВД СССР. Столь же радикально Дзержинский предлагал бороться с уличенными в злоупотреблениях советскими служащими, даже если их проступки не тянули на повод для ареста: «Провинившихся чиновников высылать в особом порядке и колонизировать за счет них отдаленные местности на Печоре или в Туруханском крае».

С этого момента право внесудебных расстрелов для ГПУ по разрешению высшей власти в лице ВЦИК СССР только расширялось, включая кроме самих сотрудников ГПУ все новые категории арестованных, что отмечают многие историки спецслужб: «27 апреля 1922

года Политбюро ЦК РКП(б) решило предоставить ГПУ «право непосредственного расстрела на месте» участников вооруженных ограблений, захваченных при совершении преступлений. 10 августа 1922 года коллегия ГПУ под председательством Дзержинского обсудила вопрос «О суде над сотрудниками органов ГПУ»... Но лишь 28 сентября 1922 года Дзержинский писал Ягоде: «Сегодня принято Политбюро постановление о расширении наших прав, в том числе и право ведения нами следствия и вынесения приговора по должностным преступлениям наших сотрудников. Цель этого права – суровость наказания – должна быть нами разъяснена всем губернским отделам, иначе опасения Крыленко могут оправдаться и это может превратиться в безнаказанность... Хорошо будет, если придете ко мне сегодня на доклад с Воронцовым». Постановление Президиума ВЦИК по этому вопросу состоялось только 16 октября 1922 года... 24 мая 1923 года решением Президиума ЦИК СССР право внесудебных репрессий по ходатайствам ГПУ было расширено и на сотрудников Разведывательного управления штаба РККА и его органов. 17 ноября 1923 года Президиум ЦИК СССР предоставил право внесудебных репрессий Особой комиссии по административным высылкам (высылка и заключение в концлагерь на срок более трех лет). А с 1 апреля 1924 года во внесудебном порядке органы ОГПУ стали рассматривать дела фальшивомонетчиков. 20 ноября 1924 года по предложению Д.И. Курского, В.Р. Менжинского и Г.Я. Сокольникова Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение о расширении прав ОГПУ «в отношении лиц, занимающихся подделками денечков»... Только за десять месяцев 1923 года суды вынесли 971 приговор к ВМН, трибуналы – 296, всего – 1267, из них они утверждены окончательно только в отношении 487 лиц. За это же время ГПУ были осуждены и расстреляны 604 человека. Крыленко писал Дзержинскому 1 февраля 1924 года, что этот показатель должен быть признан чрезмерно высоким».¹

В закрытый сектор на Соловках потек ручеек осужденных чекистов с 1922 года, постепенно превращаясь в мощный поток к 1937 году. Соловки словно специально были предначертаны к этому судьбой, если вспомнить, что сам первый руководитель Тайной канцелярии (первой официальной спецслужбы России) граф Петр Толстой после своей опалы в 1727 году был заточен в Соловецкую крепость, где и умер в одиночной камере. Теперь этим маршрутом везли других «репрессированных репрессаторов» из рядов ГПУ. Хотя первые осужденные в начале жизни ГПУ чекисты, как правило, совершили реальные, а не выдуманные преступления против своей спецслужбы или советской власти в целом. Так в Соловецкий концлагерь в 1923 году отправлен по этапу Иван Розанов из Оренбургского управления ГПУ, «давший вымышленные сведения о существовании контрреволюционной организации». Этот чекист пострадал за то, чем активно пользовались в годы Гражданской войны сотрудники ЧК, – за попытку слепить вымышленную антисоветскую группу. Осуждена на три года на Соловках и машинистка Особого отдела ГПУ Нина Попова «за разглашение информации и методов работы ГПУ». В деле другой изгнанной в 1926 году из чекистских рядов машинистки Пятигорского отдела ГПУ Анны Пономаревой, которую за несовершеннолетием ею служебного преступления хотя бы не посадили, записана почти анекдотическая формулировка: «За абсолютную политнеграмотность и мещанские взгляды на жизнь, выразившиеся в ношении золотых колец на пальцах рук».

Власть явно наводила порядок в своей спецслужбе ее же собственными руками и методами. В новых условиях в ГПУ уже не было места видениям бывших «романтических лет Гражданской», толпам нетрезвых и возбужденных классово яростью полуграмотных ребят в кожанках и с маузерами на боках. Неудивительно, что в область преданий ушли и сами заезженные пропагандой кожанки первой ЧК, в ГПУ уже была унифицированная особая форма и знаки различия в петлицах. Политнеграмотная машинистка Пятигорского ГПУ Пономарева, любившая золотые украшения, под кампанию попала заодно, но такие случаи наведения порядка внутри ГПУ в середине 20-х весьма показательны.

---

¹ Плеханов А.М. Дзержинский – первый чекист России. М., 2007. С. 121–122.

Дзержинский в эти годы много внимания лично уделял этой чистке ГПУ от подобной случайной публики, людей ультрареволюционного настроения или с уголовными наклонностями. Он лично контролирует самую большую чистку в ГПУ 1922 года, ответственной за которую назначил руководящую кадровую работу в ГПУ Андрееву. В одной из служебных записок от июля 1922 года он буквально кипит от ярости по поводу того, что «проглядели» некоего сотрудника ГПУ Карпова, обвиненного теперь во взятках, личном обогащении на службе, запугивании соседей по коммуналке чекистским мандатом с револьвером в руках, да еще и в явном антисемитизме: «Товарищ Фельдман, каленым железом надо выжигать из ГПУ таких подлецов. Мера наказания должна быть определена при моем участии. Приговор должен навести ужас на подобных лиц – дабы ушли от нас». Председатель ГПУ весной 1924 года даже не поленился собственноручно написать вопросник для очередной чистки своей службы, где есть в анкете такие вопросы для негласной проверки сотрудников: «Болтлив ли, выпивает ли?», «Ходит ли в увеселительные места?», «Берет ли документы на дом?» и даже «Падок ли к бабам?». От этих собственноручно написанных Дзержинским пунктов вопросника его привычный образ начинает выглядеть чуть по-другому.

В те же первые годы работы ГПУ отдельными процессами и невиданными ранее репрессиями против самих чекистов пришлось внедрять идею полного подчинения органов госбезопасности государству и партии. Остатки внутричекистской изоляции и вольности эпохи кожанок искоренялись серьезным уголовным преследованием не понявших нового подхода чекистов. В мае 1926 года почти десяток сотрудников ГПУ по Владимирской области самого разного уровня были отданы под суд за оперативную разработку без санкции из Москвы секретаря местного обкома партии Асаткина. Пытавшийся заступиться за владимирских чекистов на Лубянке начальник секретного отдела ГПУ Терентий Дерибас, предлагавший ограничиться выговорами и увольнениями, был немедленно одернут сверху самим Дзержинским, свято требовавшим соблюдать принцип полного подчинения ГПУ партии (самого Дерибаса родные органы окончательно излечат от иллюзий славных времен Гражданской войны расстрелом в репрессии 1937 года). С тех пор и до самого краха СССР в 1991 году сохранялось четкое правило, по которому чекисты в провинции без особо регламентированной процедуры получения разрешения в центре не имели права вести агентурную или оперативную работу против местной партийной номенклатуры.

Характерно, что в том же 1926 году появилось известное распоряжение заместителя начальника ГПУ Ягоды (Дзержинский как раз в это лето умер, а назначенный вместо него Менжинский в очередной раз был болен) о недопустимости грубого и невежливого отношения к гражданам со стороны сотрудников ГПУ, как и о недопустимости грубости в общении между самими сотрудниками разного уровня в ГПУ. Интересно, что подписал этот приказ о вежливости, в котором были строки о «вызывающем начальственном тоне, резких окриках и просто ругательствах», именно зампред ГПУ Генрих Ягода, которого многие его подчиненные считали самым хамоватым и склонным к площадной ругани из высших руководителей госбезопасности тех лет. Ведь и приказ о борьбе с пьянством в ГПУ написал тот же Ягода, судя по воспоминаниям отнюдь не самый большой трезвенник и аскет в этом плане. Хотя тут дело не в личности Ягоды, этот приказ о вежливости был явно продиктован политикой с верхов власти и предназначен для того же наведения в молодом ГПУ элементарного порядка и дисциплины. В том же самом 1926 году Генрих Ягода подписал и другой приказ, запрещавший сотрудникам ГПУ после их ухода из госбезопасности издавать любое литературное произведение без санкции на бывшей службе, – это правило сохранится до последних дней КГБ в Советском Союзе. А воспоминания бывших сотрудников ГПУ необходимо было сначала в рукописном виде отправлять бывшему начальству, не оставляя у себя машинописных копий.

Одновременно с этим обузданием анархии и излишков романтики революции в ГПУ те же процессы шли во всех отраслях жизни Советской России, переходившей с ура-револю-

ционных на мирно-бюрократические рельсы. Так, в том же 1922 году покончено с экспериментами в советской литературе и искусстве, свернута революционная пропаганда свободной любви и введена жесткая цензура созданного Главлита. В 1926 году опять же зампред ГПУ Ягода разослал по областным отделам ГПУ известный циркуляр о своеобразной чекистской цензуре поведения в обществе, в котором был перечень запрещенных к публичному исполнению песен, в основном шансонно-блатного стиля. Именно по этому циркуляру трепали нервы молодому шансонье Леониду Утесову с его «Бубличками» и «Одесскими кичманами», был в этом циркуляре и запрет «буржуазных танцев» (фокстрота, тустепа и т. д.).

Власть меняла многие установки первых лет революции и Гражданской войны, и с этой сменой колес под мирную колею новому Советскому государству требовалась отлаженная и полностью подчиненная партии машина тайного сыска, умеющая работать профессионально. Недаром сам Дзержинский в 1922 году с тревогой докладывал большевистскому ЦК, что вопрос о кадровом составе нового ГПУ представляется ему очень тревожным и наболевшим, поскольку «состояние ГПУ внушает опасение, нет наплыва свежих ответственных товарищей, а старые болеют или бегут из ГПУ» – так он написал тогда секретарю ЦК Молотову.

Сам Дзержинский тоже осознавал необходимость такой перестройки внутри ГПУ. Он лично теперь заявлял, часто вразрез со своей доктриной времен ВЧК, что одной чекистской смелости и революционного духа уже для работы в ГПУ недостаточно, необходимы выучка и знание своего дела. Уже в декабре 1922 года, выступая перед активом ГПУ на вечере в честь пятой годовщины создания советской спецслужбы, он провозгласил новую установку: «Методы изменились, сейчас вы обязаны идти по тому пути, который начертали советская власть и партия, – по пути революционной законности, придерживаясь декретов, строго следя за их выполнением, согласуя свои действия с прокурорским надзором».

Эти слова любящие Дзержинского исследователи часто цитируют в обоснование тезиса о нем как о жестком поборнике законности, хотя его же речь является доказательством, что до 1922 года в прежней ВЧК на эту законность и прокурорский надзор особого внимания не обращали, а ведь там командовал все тот же Дзержинский.

Большие репетиции

Окончание прямой Гражданской войны и даже объявление Лениным некоторой либерализации советской жизни в виде новой политики НЭП не слишком повлияли на жесткий характер советской госбезопасности. Внутри самого ГПУ постоянно звучали призывы к сохранению бдительности во вражеском окружении и о готовности недобитых врагов социализма к новым боям или тайным диверсиям. Отличным эпиграфом к главе о деятельности ГПУ после затихания Гражданской войны в относительно мирных 20-х годах стали бы бесподобные строчки песни большевиков из кинофильма «Собачье сердце» по Михаилу Булгакову: «Суровые годы уходят – борьбы за свободу страны, за ними другие приходят – они будут также трудны!» Действительно, облегчения жизни никто не обещал, особенно советское ГПУ.

Весь период до конца 20-х годов сейчас выглядит массовой тренировкой ГПУ перед началом Большого террора в 30-х годах. И многие кампании чекистской истории до 1930 года выглядят репетициями больших процессов в будущем. Вот знаменитые «философские пароходы», когда по высшему указанию Ленина в начале 20-х годов принудительно высылался за границу цвет российской интеллигенции. На этих кораблях Советскую Россию покидали Бердяев, Булгаков, Сорокин, Франк и масса других ученых, философов, писателей, деятелей искусств. Ответственным за эту гигантскую операцию по «выдавливанию мозгов» (по аналогии с модным ныне термином о добровольной «утечке мозгов» из России на Запад) Дзержинский в 1922 году назначил главу Секретного отдела ГПУ Якова Агранова, который с тех пор почитал себя среди чекистов главным специалистом по работе с советской интеллигенцией, даже неким негласным куратором деятелей литературы и искусства внутри ГПУ – НКВД, и продолжал считать себя главным чекистом-искусствоведом, вплоть до собственного ареста и расстрела в подвалах НКВД в Большой террор.

В 1922 году Агранов регулярно предоставлял Дзержинскому и Ленину списки приговоренных ГПУ к насильственной высылке из страны, а те вносили в них правки. Кого-то в итоге так и не выпустили, как известного экономиста Кондратьева, против которого Дзержинский приказал ГПУ возбудить дело о сотрудничестве ученого с эсерами, эта ремарка на списке не пустила Кондратьева в эмиграцию и стоила ему позднее жизни.

Запрет выехать за границу для лечения, наложенный еще ранее ВЧК, скорее всего, погубил и поэта Блока. Пока на Лубянке и в Кремле решали дилемму, выпустить за границу Блока или Сологуба, Блок уже успел умереть от болезни в 1921 году, и вопрос решился сам собой. Так что за гибель этого поэта отчасти тоже ответственны советские чекисты, присвоившие затем в качестве своих девизов вырванные из блоковских стихов строки типа «И вечный бой! Покой нам только снится!» или «Шаг держи революционный, близок враг неугомонный!». Их знали наизусть поколения советских людей, а многие даже не догадывались, что автор этих чекистских слоганов поэт Александр Блок косвенно уморен ведомством Дзержинского в голодной Советской России 1921 года. Никакие заслуги перед новой большевистской властью поначалу очарованного революцией поэта, никакие публицистические его просоветские вещи типа работы «Интеллигенция и революция» или наполненная революционным пафосом поэма «Двенадцать», где Блок ухитрился даже Иисуса Христа втиснуть в ряды большевистского патруля, не заставили ведомство Дзержинского смилостивиться над тяжелобольным гением русской поэзии. Впрочем, на подсознательном уровне эстетствующий поэт из Серебряного века должен был оставаться для ленинских чекистов духовно чуждым, да и сам Блок к 1921 году после ужасов Гражданской войны и «красного террора» отчасти отошел от своих революционных восторгов 1917 года. Поэтому на Лубянке косвенно обрекли его на гибель, отказав в лечении, которого в Советской России уже не могли оказать. Как косвенно чекисты повинны

и в гибели от голода в Сергиевом Посаде философа Розанова, также не дождавшегося своей спасительной высылки.

Блок стал еще одной жертвой чекистского ведомства среди известных литераторов за весь советский период нашей истории. Первым погибшим впрямую от чекистских репрессий в этом ряду считают известного в дореволюционной России писателя и публициста, друга Чехова и Толстого Михаила Меньшикова, в 1918 году не принявшего власти большевиков литератора чекисты расстреляли на берегу Валдая. Затем будут и Гумилев, и Мандельштам, и Бабель, и Веселый, и Пильняк, и множество других убитых и уморенных деятелей пера только за 20 – 30-е годы.

Когда нам в советской школе рассказывали, каким «ужасным» преследованиям и лишениям со стороны царского сыска подвергались литераторы в Российской империи, как баснописец Крылов скрывался в своем имении после ареста его друга книгоиздателя Новикова, как страдал на царской каторге Достоевский (за реальное участие в антиправительственном тайном кружке), как жандармы Третьего отделения третировали Пушкина и гнали Лермонтова под пули горцев на Кавказ, как мыкался в вынужденной эмиграции перед революцией Горький, – какой мелочью все это кажется перед мрачным мартирологом впрямую уничтоженных ВЧК – ГПУ – НКВД деятелей нашей литературы всего за каких-то два десятка лет, несоизмеримых с многовековой историей империи Романовых. Блок тоже должен стоять в этой печальной череде, даже несмотря на естественную с виду его смерть от чахотки, ведь его обрекли на смерть отказом в выезде.

Других, находившихся под вопросом, все же в итоге отпустили из Советского Союза, как историка Рожкова или ректора Казанского университета Овчинникова, решением чьей судьбы занимался лично Ленин, а вопрос об их высылке решался даже в ЦК партии. Дзержинский в этих спорах «выпускать или не выпускать» почти всегда занимал самую жесткую позицию: «Не пущать!» Дзержинский часто указывал, сколько из выпущенных в самой большой группе летом 1922 года деятелей искусства и литературы в эмиграции стали наиболее непримиримыми разоблачителями его ведомства и просто ярыми врагами советской власти.

Так у Ленина только лично ходатайство Горького позволило вымолить разрешение выпустить из Советской России еврейского писателя Хаима Бялика и нескольких его друзей, поехавших в Палестину создавать израильскую литературу, да и самого Горького в его длительную творческую командировку в Европу для лечения отпускал тоже лично Ленин. Когда в командировку за границу в начале 20-х отправляли советских работников, в обязательном порядке их семьи оставались в Советской России фактическими заложниками в руках ЧК. Один из заместителей Рыкова в Совете народного хозяйства (ВСНХ) Семен Либерман умолял Дзержинского на аудиенции у того разрешить выехать с ним семье, поскольку в срочном лечении за рубежом нуждался его маленький сын, Дзержинский и ему однозначно и хмуро отказал. Только пробившись лично к Ленину, который специалиста по внешней торговле очень ценил, Либерман добился своего: Владимир Ильич лично позвонил Дзержинскому и приказал отпустить Либермана в командировку вместе с семьей. Уже после смерти Ленина Либермана ведомство Дзержинского задержало своими подозрениями и вызовами «на беседы» в дом на Лубянке, в итоге тот в 1926 году в очередной командировке в Данию все же стал невозвращенцем, покинув СССР навсегда.

Большинству изгнанных с родины пассажиров «философских пароходов» эта кампания ГПУ в итоге спасла жизнь. Очень скоро советская власть и ее спецслужба перестали быть такими травоядными, перейдя от массовых изгнаний к массовым расстрелам. Ленин написал Дзержинскому: «К делу высылки связанных с контрреволюцией профессоров и писателей нужно бы подойти внимательнее, а то можно наглупить». Уже к 1923 году разобрались, что изгнанные вливаются в мощную диаспору эмиграции и часто начинают выступать против изгнавшей их советской власти, то есть уже «наглупили». В тот год уже поток высланных

прекратился, в 1923 году отпустили уже последних одиночек, как бывшего секретаря Льва Толстого Булгакова, и замок на границе закрыли более чем на полвека. И зэки сталинской «шарашки» 40-х годов из солженицынского «В круге первом» будут хохотать над «страшной карой» ленинского УК о принудительной высылке за пределы Советской России, казавшейся им после ужасов 30-х самым желанным и недостижимым благом.

Репетировали в те же годы и обратный процесс возвращения не без участия советских спецслужб ранее отбывших в эмиграцию граждан России на родину. Как и в случае с высылкой из Советской России, здесь ленинская власть и ее ГПУ еще не вошли в раж откровенных репрессий. Значительная часть таких вернувшихся эмигрантов в 20-х годах сама приняла такое решение, хотя иногда и не без долгих уговоров сотрудников внешней разведки ГПУ или в результате тонких операций советских разведчиков.

Хотя и в историях этих первых «реэмигрантов» уже были странности и темные пятна. Как, например, в нашумевшей в белой эмиграции истории с внезапным и тайным отъездом в Советскую Россию группы офицеров бывшей армии Врангеля из Турции осенью 1921 года на пароходе «Решид-паша». В их числе был и один из самых талантливых на поле боя и жестоких в собственном тылу за всю историю Белого движения генерал Слащев. Почему именно безжалостный к красным пленным садист в погонах Яков Слащев, прототип полубезумного генерала Хлудова в «Беге» Булгакова, даже самим Врангелем отдаваемый за жестокости под суд, поверил этой советской амнистии для деятелей Белого движения (декрету ленинского ВЦИК от 3 ноября 1921 года), почему не побоялся мести за кровь в Гражданскую? В эмиграции было устойчивое мнение: Слащева и тайно отъехавшего вместе с ним в Россию начальника врангелевского конвоя Мезерницкого завербовала ЧК еще в Турции, и оба получили амнистию с разрешением вновь увидеть родину в обмен на тайную информацию о белых эмигрантах.

И это мнение не лишено оснований, поскольку сейчас известен не один случай такой вербовки белых офицеров для тайной работы на Лубянку с последующей милостью в виде разрешения вернуться на родину (двумя десятками лет позже для доживших эта милость в большинстве своем закончится опять расстрельным приговором). Так это было в случае вернувшегося в СССР офицера Главного штаба армии Врангеля Бориса Базарова, которого чекисты завербовали еще в годы Гражданской войны в Крыму. В эмиграции Базаров поработал тайным агентом ИНО ГПУ среди белых эмигрантов в Сербии, получил за это право вернуться в Москву, работал в ИНО резидентом в странах Европы и США, а в 1938 году отозван в СССР и расстрелян как бывший белый офицер.

Как известно, бывший белый генерал Слащев затем преподавал военную науку красным командирам на курсах «Выстрел», и на этом посту в 1929 году он был застрелен курсантом «Выстрела» Лазарем Коленбергом, явившимся за этим к белому генералу прямо на квартиру. Коленберг на следствии объявил свой поступок мстью за казненного Слащевым в годы Гражданской войны родного брата, после чего был признан психически невменяемым и стигнут в психушках, а дело об убийстве Слащева было в связи с этим прекращено. Если Слащева чекисты действительно завербовали в свои агенты еще в эмиграции, а вернуться в Россию ему разрешили в силу договора с ним о тайных услугах и в целях хорошей пропагандистской акции, направленной на рядовых эмигрантов (коль скоро помиловали такого одиозного генерала-кровопийцу из белых, им-то и вовсе бояться нечего и можно ехать домой), то и такое «случайное» убийство сумасшедшим мстителем Коленбергом было бы для ГПУ оптимальным финалом всей операции. Советская власть проявила гуманность к одному из злейших врагов среди белых, примеру Слащева последовали и другие офицеры-эмигранты, мсть за кровь товарищей в 1918–1920 годах все же состоялась, а за безумца-убийцу ГПУ не в ответе.

Многие уверены, что Слащева использовали и устранили затем именно по этой схеме, что это с самого 1921 года была растянутая по времени операция чекистов. Хотя никаких твердых доказательств версии ликвидации Слащева ГПУ руками Коленберга нет, мог действительно

найти одержимый идеей возмездия мститель-одиночка. Всего за несколько лет до убийства Слащева при очень схожих обстоятельствах погиб похожий на него жестокий китайский генерал Суй Сучен, занимавшийся на отгремевшей китайской междоусобице похожими на слащевские делами. В 1925 году в его штабной поезд также пробрался сын казненного им человека, разрядив в генерала-садиста по кличке Маленький Суй целую обойму, после чего толпа китайцев отбила мстителя у полицейских и помогла ему скрыться.

Вся эта заседавшая в 1923 году в Новочеркасске (куда из Болгарии и Турции корабли привозили основную массу возвращавшихся добровольно белогвардейцев) под началом чекиста Андреева, уполномоченного ГПУ по Дону и Кубани, без особых последствий пропустила после фильтрации только рядовых солдат и казаков бывшей белой армии. Офицеры сразу попадали под негласный надзор советской госбезопасности. Многим из них, якобы полностью прощенным в 1923–1924 годах этой амнистией и даже направленным служить на командные должности в РККА, первые же политические заморозки и процессы против «врагов народа» стоили ареста и расстрела. Как вернувшемуся в этой волне белому генералу Секретеву, уже в 1930 году ставшему в рамках дела «Весна» обвиняемым в участии в тайном «Казачьем блоке».

Рискнул вернуться из японской эмиграции белый генерал Болдырев, бывший в 1918 году командующим армией Уфимской директории, после небольшой отсидки в советской тюрьме в 1926 году освобожден и полностью амнистирован советской властью только для того, чтобы уже в 1933 году после очередного ареста по обвинению в антисоветской деятельности быть расстрелянным. Офицер Чугунов, из сбежавших к белым в Гражданскую военспецов РККА, вернулся в 1923 году по этой амнистии с чистосердечным раскаянием, – только приняв во внимание «добровольное возвращение» и «классовое происхождение из крестьян», советский суд удовлетворился десятью годами лагерей для Чугунова. В 1933 году в СССР пожелал вернуться за чем-то другой генерал колчаковской армии Николай Сукин – здесь дожил только до первых арестов 1937 года, когда расстрелян НКВД. Вернулся и получил амнистию служивший в контрразведке Колчака бывший при царе прокурорский работник Пospelов – позднее в Омске тоже арестован и расстрелян, таких советская власть всерьез миловать не собиралась.

Некоторых из вернувшихся белогвардейцев не спасли ни верная служба в РККА, ни активная работа на советские спецслужбы, ни попытки заслужить прощение новой власти написанием заказных пасквилей о Белом движении. Так, бывший офицер Добровольческой армии Венус написал книгу «Зяблики в погонах» с разоблачением зверств белых в прошедшей войне, но все равно в СССР скитался с места на место в промежутках между арестами ГПУ в качестве неблагонадежного. Последний арест в 1939 году застал Венуса работавшим бакенщиком на Волге, во время следствия он скончался в камере НКВД поволжского городка Сызрань.

Многих из них не спасли даже большие заслуги перед советской разведкой в работе против белых эмигрантов за рубежом, как белого офицера Сергея Эфрона, мужа поэтессы Марины Цветаевой, чей непростой жизненный путь с Белым делом, эмиграцией, сотрудничеством с ГПУ и возвращением в СССР в 1941 году точно так же оборвет чекистская пуля. Так много сделавший для советской власти в деле возвращения части эмигрантов идеолог движения «Смена вех» журналист Устрялов, который в эмиграции даже издавал сменовеховский журнал с постоянными призывами возвращаться и примириться с Советами, якобы после 1921 года дрейфующими от военного коммунизма к старому имперскому патриотизму, сам в 1935 году прибыл в СССР – в 1937 году главный певец «Смены вех» и советского патриотизма был отблагодарен НКВД арестом и расстрелом. Поэтому в истории с первыми возвращенцами по амнистии от 1921 года, как и в истории с изгнанием интеллигенции из России в 1922 году, в основе все равно был ловкий обман, в итоге обернувшийся большой кровью. И здесь тоже была генеральная репетиция: в 20-х годах назад в СССР чекисты еще заманивали уговорами и обещанием амнистии, вскоре повезут в мешках, похищенными и усыпленными морфием.

В целом вся эта громкая кампания со «Сменой вех» и «Союзами возвращенцев» не привела к особенно впечатляющим для Советов результатам. Вернулось в обмен на эти несколько амнистий не так много эмигрантов, как ожидалось. Большею частью среди вернувшихся уже в Советский Союз были те, кто уехал сразу после 1917 года, и штатские представители творческих профессий, решившие, что пережили за границей самые опасные годы Гражданской войны и военного коммунизма: журналисты, писатели, актеры, не воевавшие в Гражданскую генералы и прочие. Среди возвращенцев 20-х годов очень много несогласных с Белым делом, уехавших в 1918–1919 годах еще задолго до его поражения, как писатель и «красный граф» Алексей Толстой, отработавший для Советов свое возвращение нелицеприятным для оставшихся в изгнании романом «Эмигранты». Либо случайных в белом лагере людей, тоже рванувшихся после амнистии в Совдепию, как журналист и будущий сталинский любимец Илья Эренбург.

Из сознательных борцов белых армий Врангеля, Юденича или Колчака, отходивших с оружием из России после поражения, возвращались единицы типа Слащева. Из 130 тысяч уплывших с Врангелем осенью 1920 года из Крыма даже после года очень тяжелой жизни в изгнании в лагерях беженцев Галлиполи и острова Лемнос в ответ на все обещания в Советский Союз в 1921–1923 годах вернулось лишь несколько тысяч, в основном рядовых кубанских и донских казаков с Лемноса. Примерно столько же отбыли по найму на работы в Южную Америку, большая же часть стойко перенесла сидение в Галлиполи и на Лемносе, отбыв позднее в страны Европы. Даже в самых благоприятных условиях работы для ГПУ в сочувственно до 1923 года относившейся к СССР Болгарии в местный «Союз возвращения» из многих тысяч находившихся здесь чинов армии Врангеля записалась лишь пара сотен человек. У самих прошедших с честью весь страшный путь Гражданской войны белых отношение к возвращенцам или сменовеховцам всех мастей было презрительно-ненавистное, судя по многим их эмигрантским мемуарам: «За период Гражданской войны выработался особый тип авантюристов, подобных ландскнехтам Валленштейна, готовых служить кому угодно, но и готовых во всякое время на предательство. «Перелеты», как их называли в смутное время на Руси. Были и офицеры, подобные Слащеву, этому когда-то доблестному защитнику Крыма, а теперь морально деградировавшему человеку. Был и «матрос» Баткин, когда-то по поручению адмирала Колчака объехавший всю Россию для произнесения патриотических речей, а теперь – продавший себя большевикам и служивший их тайным агентом в Константинополе. Был и Секретев, совершенно спившийся и погрязший в разгуле, был и полковник Брагин, продававший впоследствии русских в Бразилию как белых негров плантаторам Сан-Паулу. Все эти люди и им подобные шумной толпой требовали, клеветали, старались захватить что-то и всеми средствами навредить тем, кого они ненавидели в данное время. Генерал Слащев издавал брошюры, требовал суда общества и гласности. Он обвинял генерала Врангеля, что последний не принял его плана защиты Крыма, и уверял, что если бы он, Слащев-Крымский, встал тогда во главе войска, то Крым был бы спасен снова... Какой-то анонимный автор обличал в «Записках строевого офицера» все стратегические ошибки штаба Главнокомандующего, как будто бы это в данное время имело какой-либо смысл, кроме желания обличения и нанесения вреда Русской армии. Вот от какой заразы приходилось оберегать людей».²

Даже в тех случаях, когда советская госбезопасность соблюдала предварительные договоренности при возвращении, эпоха Большого террора все это аннулировала. Так, в 1927 году из Львовского авиаотряда в Польшу во время маневровых полетов перелетел самолет ВВС Красной армии, его экипаж попросил поляков о политическом убежище. Командир экипажа получил польский паспорт на новую фамилию и начал новую жизнь в Европе, а его бортмеханик Трушкин затосковал по родине и вступил в контакт с органами ГПУ, пообещавшими ему

---

² Даватиц В., Львов Н. Русская армия на чужбине. М., 2003. С. 47–48.

небольшой тюремный срок при добровольном возвращении в СССР, благо вину за бегство он свалил на командира. Беглый авиатор вернулся в Союз и действительно был осужден лишь на шесть лет тюрьмы, дальше его судьба неизвестна, но вряд ли он прожил дольше 1937 года, так что в случаях большинства таких милостей возвращенцам все было относительно. Тот же вернувшийся на пароходе со Слащевым начальник врангелевского конвоя Мезерницкий в 1937 году арестован и расстрелян.

Из наглухо закрытого тогда Советского Союза люди пытались бежать разными методами, включая и такие оригинальные, как угон боевого самолета. Считается, что это в 60 – 80-х годах пошла волна таких угонов самолетов, что даже целые семейные ансамбли музыкантов захватывали пассажирские лайнеры с заложниками с кровавой развязкой в итоге, а молодой поэт Иосиф Бродский с друзьями в Самарканде планировал угнать самолет в Афганистан. Тогда советские граждане пытались покинуть советское отечество и в багажнике автомобиля, и на самодельном воздушном шаре, и выпрыгнув за борт с круизного лайнера в океане. На самом деле такие подзабытые массовые побегии пошли уже с 20-х годов, сразу после полного опускания железного занавеса по периметру только что созданного СССР.

В 1925 году, за два года до того, как в Польшу по воздуху улизнули советские военлеты Львовского авиаотряда, на Черном море группа бывших офицеров белой армии захватила рейсовый катер вместе с командой и пассажирами и вместо Ялты увела его в Болгарию, получив убежище у болгарских властей. Чуть ранее такая же группа не ушедших в 1920 году за море бывших врангелевских офицеров захватила прогулочное судно и направлялась к берегам Турции, но команда обманом доставила их в порт советского Батуми, где все члены этой группы были арестованы и расстреляны чекистами. Так что у захватывавших в 70-х и 80-х годах уже целыми семьями самолеты Бразинских или Овечкиных были предшественники начиная с 20-х годов, это тоже своего рода репетиции будущих больших событий позднесоветской эпохи.

Репетировали в те же годы и будущие большие процессы над «врагами народа», пик которых у НКВД придется на 1937–1939 годы. В первой половине 20-х годов прошла масса разрозненных процессов над эсерами, меньшевиками, народными социалистами, кадетами, деятелями еще царского режима (кого не добил «красный террор» 1918 года), даже какими-то выявленными стариками провокаторами, выдававшими царской охранке еще борцов «Народной воли» в конце XIX века. Например, в 1926 году ГПУ разыскало некоего Михайлина, еще при царе осужденного и отсидевшего в тюрьме за убийство видного большевика Николая Баумана. Бывший солдат и рабочий одного из московских заводов, причастный к черносотенному Союзу русского народа, Михайлин осенью 1905 года во время стычки черносотенцев с большевистской манифестацией пытался вырвать у Баумана красное знамя, а когда большевик выстрелил в его сторону из револьвера, проломил любимцу Ленина голову куском железной трубы. В тот же день Михайлин явился с повинной в полицию, был осужден за убийство в состоянии самообороны, отсидел в тюрьме полтора года. А вот в 1926 году ГПУ арестовало его уже по обвинению в том, что Михайлин, как боевик черносотенной группировки и тайный агент царской охранки, умышленно убил большевика Баумана в ходе изощренной операции царских спецслужб, в результате Михайлин был ГПУ расстрелян. Это были процессы реванша по еще дореволюционным счетам.

В 1923 году чекисты разыскали бывшего морского офицера Ставраки, когда-то в 1906 году командовавшего расстрелом знаменитого лейтенанта Шмидта после подавления восстания на Черноморском флоте. Ставраки скрывался от новой власти с чужими документами, воевал в рядах колчаковцев, стал смотрителем маяка в Батумском порту и даже успел вступить в РКП(б). Но нашедшие его чекисты в 1923 году по приговору суда расстреляли Ставраки в отместку за расправу с героем революции 1905 года, хотя сам Шмидт никогда не был членом партии большевиков. Руководивший подавлением выступления моряков Шмидта царский генерал Карказ еще в 1918 году попал в руки ЧК в Севастополе; когда Красная армия в том же

году уходила из города под напором врага, генерала Карказа чекисты вместе с другими узниками Севастопольской тюрьмы по заведенной у них традиции расстреляли.

В январе 1926 года ГПУ победно рапортовало, что найден и арестован бывший белогвардеец, лично убивший легендарного красного комдива Чапаева. На Лубянку пришла от начальника Пензенского управления ГПУ Тарашкевича телеграмма об опознании и аресте бывшего есаула Уральского казачества Трофимова-Мирского, работавшего в Пензе счетоводом в мельничной конторе. По словам Тарашкевича, бывший есаул в Гражданскую командовал отрядом казаков, разгромивших в Лбищенске штаб Чапаева в ходе ночного налета, а кроме того, не раз приказывал своим казакам казнить пленных красноармейцев. Трофимов-Мирский на следствии вообще отрицал свою службу в белой армии и руководство налетом на чапаевский штаб, утверждал, что в это время скитался со своими казаками в казахской степи за рекой Урал, но был уличен следователями ГПУ и осужден к смерти. Хотя, учитывая известные обстоятельства смерти комдива РККА Чапаева, который в попытке переплыть Урал погиб под градом пуль казаков с берега, вряд ли можно было твердо установить непосредственного его убийцу, но ГПУ воспользовалось возможностью громко отрапортовать: убийца красного героя Чапаева найден и наказан.

Эта кампания политических процессов ГПУ еще не была такой размашистой, не задевала все слои советского общества, методы следствия не были еще такими изуверскими, а приговоры еще не были так однозначно predeterminedены в сторону расстрела, как все это пойдет с 1937 года. Но общий стиль этих процессов над «недобитыми врагами» и меньшевистскими политическими партиями тоже наводит на мысль о репетиции перед генеральным сражением. Методика была откатана ГПУ именно на этих процессах против эсеров, энесов, меньшевиков в начале 20-х годов. Все чаще происки «врагов народов» идут и среди тех, кто никоим образом не входил в активисты антисоветских партий. Так, строивший и сдавший в 1927 году знаменитую Шуховскую башню для радиотрансляций на Шаболовке в Москве архитектор Шухов вдруг был обвинен в злоупотреблениях и достраивал свою знаменитую высотку под следствием ГПУ, только удачное окончание строительства спасло его от репрессий в конце 20-х годов.

В это же время ГПУ как вредитель в промышленности арестован видный ученый Александр Шаргей, один из пионеров советской космонавтики, на Западе больше известный под фамилией Кондратюк, хотя он тоже никак не боролся против советской власти. И только после ареста Шаргея ГПУ выяснило, что он живет по чужим документам на фамилию Кондратюка, чтобы скрыть свою недолгую службу в 1919 году в белой армии, куда двадцатилетнего парня деникинцы призвали по мобилизации и откуда он сам вскоре дезертировал. Шаргея-Кондратюка арестовали в 1929 году и осудили как вредителя и недобитого белогвардейца, в тюрьме он разработал проект принципиально новой электростанции, после чего был освобожден по личному ходатайству советского наркома промышленности Орджоникидзе. На свободе Шаргей продолжал работать в энергетике и после знакомства с Сергеем Королевым увлекся расчетами для будущих полетов в космос, осенью 1941 года с подходом немецких войск к Москве ученого призвали в народное ополчение, где он погиб в бою.

Вся верхушка партии эсеров, оставшаяся в России, на знаменитом процессе 1922 года (том самом, основанном на признательных показаниях Семенова и Коноплевой о террористической работе эсеров против Советов) получила незначительные сроки заключения или ссылки. Складывается ощущение, что суд 1922 года был нужен ГПУ лишь для окончательного устранения самой партии эсеров с политической арены и клеймения ее лидеров тавром «контрреволюционеров», а также как своеобразная тренировка таких массовых действий в недалеком будущем. Тем же закончились процессы для меньшевиков или народных социалистов: партии осудили и окончательно ликвидировали в 1922–1923 годах, дотянувших до Большого террора самих подсудимых физически ликвидировали в конце 30-х.

В 1924–1925 годах прошли аресты ГПУ бывших анархистов, против них собирались тоже организовать большой процесс по примеру эсеровского, но затем ограничились отдельными посадками, оставшихся видных деятелей дореволюционного анархизма добив опять же в 1937 году. В 1922 году посадили ненадолго только самых непримиримых сынов российской анархии, а еще часть выслали за пределы Советской России. Наиболее авторитетные из анархо-синдикалистов (самого умеренного из тогдашних течений анархии) заявили о разрыве с прошлым и даже вступили в партию большевиков, но 1937 год не пережили и они: Новомирский, Раевский, Сандомирский, Шатов и др.

Небольшой эмигрантский центр анархистов в Берлине, созданный высланными в 1922 году, тоже не избежал пристального внимания чекистов. В конце 20-х годов после обещаний от ГПУ полного прощения в СССР вернулся его лидер Ярчук, а затем и самый известный тогда из российских анархистов Петр Аршинов, террорист с дореволюционным стажем и крестный отец движения батьки Махно. В годы Большого террора оба также сгинули в топке репрессий. Вообще же, все помеченные процессами начала 20-х были с наступлением 1937 года обречены, оказавшись в особых списках ГПУ и на особом учете, единицы из них самой верной службой режиму выбили себе полное прощение, как бывший меньшевик Вышинский, генеральный прокурор сталинского Советского Союза.

На конец 20-х годов пришлось и знаменитое «Шахтинское дело», первый полноценный процесс над врагами народа из числа технической интеллигенции (инженеров), предтеча всех процессов десятилетием спустя. Если процессы начала 20-х годов считать репетициями перед грядущей эпохой глобального террора, то «Шахтинское дело», пользуясь той же терминологией театра, – генеральный прогон ГПУ перед бойней «врагов народа» с использованием масштабных судебных процессов. Его курировал в Ростовской области тогда главный начальник ГПУ по Северному Кавказу Евдокимов. По этому делу, призванному доказать наличие организаций вредителей из непартийных спецов в советской промышленности (по отдельности различных «вредителей» ЧК арестовывала с 1921 года), вынесено 11 смертных приговоров, хотя позднее шестерым из приговоренных к смерти за сотрудничество со следствием ГПУ расстрел был заменен тюремным заключением.

Вслед за «Шахтинским процессом» уже в 1930 году последует дело первой сфабрикованной антисоветской «Промпартии», открывшее список дутых дел несуществующих антигосударственных тайных групп, суды над членами которых оправдывали затем вал расстрелов. По нему арестована большая группа технических специалистов, ученых и экономистов во главе с профессором Разиным и высокопоставленным сотрудником советского Госплана Громаном. И здесь уже кроме планов по вредительству и саботажу в народном хозяйстве впервые отрепетировано ГПУ добавление на следствии для большего эффекта дутых обвинений в создании антисоветской партии для переворота в стране, связях с антисоветской эмиграцией и работе на иностранные разведки.

Картина уже тогда временами напоминала абсурдностью следственных версий и обвинений будущие большие процессы конца 30-х годов: члены «Промпартии», кроме рядового саботажа и вредительства в промышленности, будто бы планировали в случае нападения на СССР разом всей Европы «выкрутить пробки» и остановить железные дороги, специально планировали постройку важных объектов промышленности в Белоруссии и Украине для их скорого захвата интервентами, а все свои действия согласовывали с разведкой Франции. Те из объявленных лидерами «Промпартии» подсудимых, кто, подобно Разину, активно признавал на следствии и суде эту чушь и обличал других, отделались по ходатайству ГПУ небольшими сроками заключения. Других расстреляли по этому делу, как бывшего члена Временного правительства Пальчинского, или забили насмерть на следствии из-за отказа признаться, как Хренникова.

Нужно четко разграничить, что в пробном варианте такого большого процесса в случае с выявленной «Промпартией», в отличие от основной массы процессов такого же рода 1936–1939 годов, само существование подпольной организации не было с самого начала выдуманно и сфальсифицировано, а только творчески развито и дополнено фальсификацией в части шпионских и террористических планов. На то и черновик, чтобы на относительно правдивом материале существования достаточно безобидной и явно не слишком опасной для власти в СССР группы недовольных технократов и ученых, к тому же частью беспартийных или бывших меньшевиков, набить руку для обшивания дела шокирующими подробностями и превращения его в полноценный заговор врагов строя.

В случае с «Промпартией» к полученным следствием без особого труда (пыточное следствие в ГПУ тогда еще не было легализовано и применялось тайно в исключительных случаях) показаниям этих членов тайного дискуссионного кружка, действительно скептически относившихся к существующему строю, удалось быстро добавить «для солидности» установление связей с промышленниками-эмигрантами из обосновавшегося в Париже союза «Торгпром». Часть таких сфальсифицированных сведений о связях парижских эмигрантов с подпольной «Промпартией» поставил по своим каналам ИНО ГПУ. И арестованных в Союзе промпартийцев заставили их повторять на следствии и в суде в обмен на улучшение содержания в тюрьме и обещания сохранить жизнь. Правда, вышла неувязка, когда оглашались показания о недавних встречах выезжавших в командировки в Европу тайных членов «Промпартии» с деятелем «Торгпрома» Рябушинским и стало известно, что этот видный российский промышленник умер в Париже еще в 1924 году. Но тогда из материалов дела имя Рябушинского просто убрали.

Это давняя тенденция российских спецслужб упорно искать почти за любым тайным союзом внутри страны руку иностранного центра или зарубежной разведки. И когда при Екатерине II Тайная канцелярия по делу кружка книгоиздателя Новикова долго пыталась увязать его с загадочными масонами-иллюминатами, якобы помогающими французским якобинцам истреблять монархов Европы. И когда позднее в царском Третьем отделении расследовали выстрел полубезумного одиночки Каракозова в царя в 1866 году, когда так уверовали в связи кружка иштуинцев с неким «Центром мировой революции» в Европе (так никогда и не объявившимся затем), что даже к сосланным в Сибирь на каторгу иштуинцам за тысячи километров не лень было посылать тайных агентов для выяснения обстоятельств существования такого единого центра заговорщиков. И в истории спецслужб СССР на одном из процессов против троцкистов обвиняемые под диктовку чекистского следствия в 30-х годах заявят, что тайно встретились с Троцким в номере гостиницы «Бристоль» в Копенгагене. А позднее выяснится, что этот отель в датской столице был, но снесен еще в 1917 году, когда Троцкий вместе с Лениным был главным организатором революции в России, а не изгнанником из СССР.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.